

«ЧУЖЕЗЕМЦЫ» В МЕСОПОТАМИИ

В недавней статье о «Чужеземцах» в государстве вавилонского царя Самсудитаны¹ (т. е. во времена последнего царя из династии Хаммурапи) Х. Кленгель отметил, что многие люди, четко обозначенные по этническим группам — например, «кассит», «сутиец» или «турукк» — часто имеют аккадские имена собственные. Если бы эти «чужеземцы» (Кленгель умышленно заключает слово «Fremde» в кавычки) не были контекстуально обозначены как *lu₂ kaššu, sutû* и т. п., распознать в них «пришельцев» со стороны было бы вряд ли возможно: источники, в которых они представлены, редко отличают их от прочего населения. Кленгель фактически полагает, что выделяемые посредством подобных этниконов лица в экономическом отношении были включены в старовавилонское общество позднего периода. Недавние исследования относительно хурритов в старовавилонском Дильбате² и касситов в Нузи³ также показали, что существовал ряд вполне определенных категорий населения, которые продолжали выделяться и играть в пределах Месопотамии важную роль, однако сами по себе эти категории не обозначали какого-либо специфического рода занятий или особого социального статуса, отличающих обозначаемых ими людей от местного населения.

Наряду с этим существовали иные категории, принадлежность к которым в Старовавилонский период четко определяла человека как чужака. Кленгель обращает наше внимание, например, на проживавшего по месту службы в Вавилоне посла-эламита. Субареи почти всегда выступают как рабы: так, в одном тексте из Киша, находящемся ныне в Оксфорде⁴, рабыня, именуемая просто *Šubaritum*, совместно со своими сыновьями яв-

¹ Klengel H. «Fremde» im Herrschaftsbereich des Samsuditana von Babylon // *Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien*. Hrsg. von H. Klengel. B., 1982. S. 143—148.

² Charpin D. L'onomastique hurrite à Dilbat et ses implications historiques // *Problèmes concernant les Hurrites*. P., 1977. P. 51—70. Обширное исследование материалов из Дильбата готовится к печати С. Кошурниковым (ЛГУ).

³ Dosch G., Deller K. Die Familie Kizzuk — sieben Kassitengenerationen im Temtena und Surinwe // *Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians in Honor of E. R. Lacheman on his Seventy-Fifth Birthday*. Ed. by M. A. Morrison and D. I. Owen. Winona Lake, Indiana, 1981. P. 91—113; Brinkman J. A. Hurrians in Babylonia in the late second millennium B. C.: an unexplained minority resource for socio-economic and philological analysis // *Ibid.* P. 27—35; Maidman M. «Kassites» among the Hurrians: a case study from Nuzi // *Bulletin of the Society for Mesopotamian Studies*. Toronto, 1984. 8. P. 15—21.

⁴ Текст готовится к печати Н. Йоффи. См. *Old Babylonian Texts from Kish: a first report* // *Ancient Near Eastern essays in memory of J. J. Finkelstein*. Hamden. Connecticut Academy of Sciences, 1977. P. 219—233.

ляется объектом тяжбы о наследстве. В другом неопубликованном документе из Киша, хранящемся в Стамбуле, приводятся формулы, посредством которых некий *Malgûm-liblû* сначала отпускается на волю своими приемными родителями, а затем усыновляется своей собственной сестрой⁵. Имя *Malgûm-liblû* свидетельствует о происхождении мальчика из страны Малгиум: указание на иноземное место происхождения в имени говорит о рабском статусе его носителя.

В настоящей статье мне хотелось бы вкратце рассмотреть вопрос о том, как эти соседи — «чужаки», коль скоро в документах был указан их этнос или имена, заимствованные из языков, которые обычно не имели в Месопотамии иных форм письменной фиксации, — взаимодействовали с местным населением внутри самой Месопотамии. Разумеется, в данном сообщении могут быть очерчены лишь контуры такой обширной проблемы, как «свои / чужие в Месопотамии». Кроме того, мне не хотелось бы ограничивать себя привлечением какого-либо конкретного круга источников или же замыкаться в пределах какого-либо одного аспекта проблемы культурной интеграции; вместе с тем я сосредоточил свое внимание на Старовавилонском периоде.

Вероятно, разумнее всего начать с хорошо известного процесса взаимодействия местного месопотамского населения и амореев, имевшего место в конце III — начале II тыс. до н. э. В соответствии с утвердившейся прежде точкой зрения термин «амореи» в источниках конца III тыс. до н. э. обозначал группу кочевых или полукочевых племен, изначально обитавших в районе Джебель-Бишри в Сирии. Такие факты, как упоминание в текстах времени III династии Ура переводчика амореев или же фиксации в «датировочных формулах» строительства оборонительных сооружений, должностящих охранять от вторжения аморейских племен, равно как и заимствованный из шумерской литературы образ амореев как кочевого, воинственного, не знавшего земледелия и вообще необычного народа, разумеется, общеизвестны⁶. В этой модели общественная организация амореев рассматривалась как племенная, и термин, которым амореи обозначали стоявшее во главе их лицо (как правило, передаваемое логограммой *ad-da mar-tu*), переводился обычно как «шейх»⁷. Что касается сведений об амореях, состоявших на военной службе в правление III династии Ура, участвовавших в разборе тяжб в качестве судебных чиновников, бывших гонцами, пивоварами, земледельцами, жрецами-плакальщиками, то они интерпретировались как свидетельства успешной ассимиляции амореев в Месопотамии. В соответствии с той же моделью далее, в результате падения государства III династии Ура, вторгшиеся амореи захватили власть во многих месопотамских городах-государствах, создавая политические коалиции и царства. Эти процессы достигли своей кульминации к концу Старовавилонского периода, когда, судя по «Эдикту Аммицадуки», амореи вкуче с акадцами воспринимались как составляющие *все население Месопотамии*⁸.

⁵ *Donbaz V., Yoffee N.* Old Babylonian texts from Kish conserved in the Istanbul Archaeological Museum // *Bibliotheca Mesopotamica*. 17. Malibu, 1986.

⁶ См. *Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Istituto Orientale. Naples, 1966.¹

⁷ См., например, *Stol M.* Studies in the Old Babylonian History. Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, Amsterdam, 1976.

⁸ *Kraus F. R.* Ein Edikt des Koenigs Ammi-saduqa von Babylon. Leiden, 1958.

Однако существуют некоторые противоречия в описанной выше модели: например, отмечается, что правители III династии Ура не вели сколько-нибудь широких военных завоеваний в Сирии и вообще на западе, но сосредоточивали свои усилия против амореев и других групп к востоку от Шумера (возможно, пытаясь сохранить свободными торговые пути на этом направлении⁹). Таким образом, сведения об амореях, очевидно, противоречивы: амореи — на западе от Шумера и амореи — на востоке; амореи — грубы и враждебны, и амореи, мирно сосуществующие внутри месопотамского общества; амореи — скотоводы, и амореи — земледельцы. Для объяснения этих противоречий целесообразно обращаться не к модели завоевания и ассимиляции амореев-чужеземцев, но исходить из их этнической поведенческой модели, которая также способна объяснить роль амореев (и прочих подобных этнических образований) на более широком фоне социальных и политических перемен в Месопотамии¹⁰.

Амореи, несомненно, осознавали свое этническое единство, ссылаясь на общность предков. Они ощущали себя сами и воспринимались другими обитателями Месопотамии в качестве особой, отличной от прочих, группы. Хотя сам этноним «аморей» в качестве указателя этнической принадлежности был особенно употребим в источниках достаровавилонского времени, последующий период также донес специфические упоминания о амореях как таковых (наиболее значительные из них внесены в опубликованный Гельбом «список амореев», живших в *babtum*¹¹). Однако эта аморейская общность никогда — ни в правление III династии Ура, ни в Старовавилонский период — не подразумевала сама по себе ни единого образа жизни (кочевого в противоположность оседлому), ни общей среды обитания (степи в отличие от города), ни какой-либо особой, «аморейской» хозяйственной деятельности, ни особого, «аморейского» социального статуса.

Тем не менее политическое значение аморейской этнической общности было велико. Если амореи как таковые и не противопоставлялись «месопотамцам» в конце правления III династии Ура, то быть амореем все же было небесполезно. В период падения III династии предводители амореев боролись со всеми вторгающимися племенами, но более всего — между собой за обладание властью над враждующими городами-государствами. В этом хаосе непрочных союзов, в условиях часто сменяющейся власти исключением кажется Киш, который благодаря своему исторически сложившемуся авторитету выступал как символ законной власти в регионе¹². Наиболее хорошо известный нам местный правитель Киша Явиум смог править относительно долго только благодаря своей готовности подчиняться власти враждующих царей. Он, следовательно, правил в основном как вассал очередного царя, который становился достаточно сильным для того, чтобы претендовать на контроль над Кишем. В одном из текстов из Киша (датировка его не сохранилась) зафиксирована клятва именами общешумерийских богов Нанны и Мананы, а также именем бога Киша Забабы и самого Явиума. В другом — именем Забабы и Явиума, однако

⁹ *Michalowski P.* The royal correspondence of Ur. Yale University, 1976. PhD dissertation (unpublished).

¹⁰ *Kamp K., Yoffee N.* Ethnicity in ancient Western Asia during early second millennium B. C.: archaeological assessments and ethnoarchaeological perspectives // *BASOR.* 1980. 237. P. 85—104.

¹¹ *Gelb I. J.* An Old Babylonian list of Amorites // *JAOS.* 1963. 83. P. 39—46.

¹² *Donbaz, Yoffee.* Op. cit. Ch. 1.

датировка документа дана по году правления вавилонского царя Суму-ла'эля. Таким образом, подобно Нишпуру на юге, Киш в Средней Месопотамии на практике не осуществлял политической власти, но лишь являлся ее символом.

Призыв к этнической солидарности различных групп амореев в этих условиях был исключительно важен. Амореи племени *амнанум* в Вавилоне и Уруке обещали друг другу взаимную поддержку, как писал царь Урука, в целях консолидации людей, которые были из «одного дома»¹³, т. е., по-видимому, одного происхождения. Что же касается генеалогий, объединяющих различные группы амореев с неаморейскими слоями общества, то они были составлены наиболее удачливыми из аморейских вождей, которые со временем стали править Ашшуром и Вавилоном и попытались дать законное обоснование своим притязаниям на расширение политического влияния в Месопотамии¹⁴. Таким образом, амореи преуспели в установлении династического правления в Старовавилонский период отнюдь не в качестве диких «чужеземцев», одержавших верх над слабыми горожанами. Скорее они, используя традиционно сильные связи этнического родства, сумели воспользоваться разобщенностью прочих политических сил для того, чтобы расчленить сверхцентрализованное государство III династии Ура.

С этой точки зрения термины «племя», «племенная организация» кажутся совершенно неподходящими для характеристики социального состояния амореев, поскольку они подразумевают организацию, которой несвойственно наличие самостоятельных органов политической власти, где отсутствует хозяйственная специализация и где производство прибавочного продукта тормозится механизмом экономического и правового нивелирования¹⁵. В этом отношении определение «этническая группа», которое допускает в пределах одной и той же общности существование нескольких типов социальной организации, кажется более удачным для описания сложной системы жизнедеятельности амореев. Следовательно, представители одной и той же этнической группы теоретически могли быть — а в случае с амореями были на практике — и кочевниками, и сельскими жителями, и горожанами. Более того. Самая принадлежность к этнической группе устанавливалась и подчеркивалась только в том случае, если это могло принести выгоды социального, политического и/или экономического свойства. Поскольку в клинописных документах члены таких групп специально выделялись с помощью этнонимов, как это было продемонстрировано на примере амореев, можно попытаться выяснить характер скрытых за этой практикой этнических взаимоотношений в месопотамской политической и культурной жизни.

Историки хорошо знают, как нелегко раскрыть политический смысл термина «Месопотамия», который обладает приводящей в замешательство способностью «дематериализовываться», поскольку Месопотамия, подобно многоклеточному организму, преимущественно состояла из городов-го-

---

¹³ *Falkenstein A.* Zu den Inschriftfunden der Grabung in Uruk-Warka 1960—1961 // *Baghdader Mitteilungen.* 1963. 2. S. 1—82.

¹⁴ *Finkelstein J. J.* The genealogy of the Hammurabi dynasty // *JCS.* 1966. 20. P. 95—118.

¹⁵ *Sahlins M.* Tribesmen. N. Y., 1968. *Fried M.* The notion of tribe. Menlo Park. Ca., 1975.

сударств, редко действующих в политическом единении¹⁶. Вместе с тем наличие общих идеалов политического единства, существование перечней богов, в которых городские божества-покровители сводились в единый пантеон, и, главное, сознательное сохранение, передача и редактирование письменного и устного «потока традиции» свидетельствуют об особом культурном содержании термина «Месопотамия»¹⁷. Эти культурные установления никоим образом не нарушались аморейскими политическими лидерами, которые скорее покровительствовали этим традициям (сходным образом будут вести себя позднее и касситы). Вообще же можно обосновать тезис о том, что существование подобных этнических групп не только не разрушало месопотамскую культуру, но и на деле способствовало ее развитию¹⁸.

Разумеется, месопотамская культура не была замкнута и статична, но, подобно любой другой культуре, должна была изучаться, передаваться и быть общественно значимой для ее носителей. Именно эти этнические группы могли практически способствовать сохранению в пространстве и времени специфически месопотамских культурных форм, поскольку они не были замкнуты в пределах определенных городов-государств или местных интересов, а их вожди могли осуществлять свою власть при помощи политики «этнической силы». Аморей и касситы, захватив власть в Месопотамии, в деталях восприняли освященные веками месопотамские институты именно потому, что могли таким образом узаконить свое включение в общество, особенно на арене борьбы за власть. Подчеркивая проявление своих особенностей как социальной группы (и в этом отношении различия, равно как и сходства между амореями и касситами, очевидны), члены этих групп были или становились месопотамцами. Следовательно, эти этнические группы не столько ассимилировались месопотамским обществом, сколько на деле становились носителями месопотамской культурной традиции.

Однако с течением времени ситуация совершенно изменилась. В I тыс. до н. э. — эпохе, которая здесь может быть лишь бегло затронута — новоассирийская, а затем и нововавилонская политика насильственного объединения этнических групп в Месопотамии была совершенно отлична от процессов этнического взаимодействия в начале II тыс. до н. э. Систематически отстраняемые от участия в политической жизни Месопотамии, члены этих вновь и иным образом образовавшихся групп не видели для себя большой пользы в том, чтобы становиться месопотамцами. Соответственно с завоеваниями Кира месопотамская культура официально становится лишь одной из нескольких вариантов в Месопотамии, поддерживаемой при позднейших династиях большей частью лишь служителями чахнувших месопотамских культов и держателями связанных с ними земельных владений¹⁹. Иными словами, принадлежность к «месопотамцам» не обеспечивала больше особых преимуществ в служебной деятельности, а со временем — и в хозяйственной, которые персидская, селевкидская и парфянская администрации регламентировали в соответствии с их собственной этнически обусловленной идеологией. Постепенно в правление этих позд-

¹⁶ Yoffee N. The collapses of Mesopotamian civilization // The collapse of ancient states and civilizations. Ed. by N. Yoffee and C. L. Cowgill (forthcoming).

¹⁷ Machinist P. On self-consciousness in Mesopotamian thought // The origin of axial age civilizations and their diversity. Ed. by S. N. Eisenstadt (forthcoming).

¹⁸ Lambert W. G. Ancestors, authors and canonicity // JCS. 1957. II. P. 1—14.

¹⁹ Doty L. T. Cuneiform archives from Hellenistic Uruk. Yale University, 1977. PhD dissertation (unpublished).

них режимов традиционные месопотамские культурные институты начинают сохраняться лишь в виде смутных воспоминаний, особенно у членов тех новых этнических групп, которые имели мало оснований отождествлять себя с месопотамским прошлым и еще меньше — хранить и передавать о нем память²⁰. Древние языки продолжали жить, хоть и во все более изменяющемся виде и во все более ограниченном контексте, пока в конце концов не исчезли совершенно по причине отсутствия в них практической надобности.

Отличие этой ситуации, даже обрисованной так бегло, от того положения дел, которое мы находим в начале II тыс. до н. э., когда члены этнических групп не только становились месопотамцами, но и главными факторами сохранения месопотамской цивилизации, совершенно очевидно. В конце концов даже самая память о Месопотамии едва теплилась, и поддерживалась она в меньшей степени людьми ее завоевавшими, чем теми, кто однажды был ею завоеван. И лишь открытие в XIX в. памятников месопотамской письменности и материальной культуры возвратило эти традиции и стало источником гордости для людей, которые спустя тысячелетия, отличаясь по языку, культуре и даже генетически, населяют Месопотамию сегодня.

*Н. Йоффи, Университет штата Аризона,
Тусон, Аризона*

---

²⁰ Klotchkoff I. The late Babylonian list of scholars // Gesellschaft and Kultur... S. 149, 154.

«OUTSIDERS» IN MESOPOTAMIA

N. Yoffee

The article deals briefly with the question of how the people known to us as 'outsiders' (either because of special ethnic determinatives or because of their special names drawn from languages for which there is not usually evidence in other forms in Mesopotamia) interacted with the local population of Mesopotamia.